1881
1-5-63

B.7

3-й экз.

3-й экз.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCXV.

215
N 5-6
Библиотека Инстит. Красн. Профес. Инв. № 2076-7
Лицея Цесаревича Николая

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.
1881.

В. 7.
Государств. публичная историческая библиотека
Р

ВОПРОСЪ О НАРОДНОСТИ РУССОВЪ, БОЛГАРЪ И ГУННОВЪ.

Въ статьѣ, недавно помѣщенной на страницахъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія [1]), я старался показать на нѣкоторыхъ спеціальныхъ историческихъ трудахъ послѣдняго времени, въ какія неизбѣжныя противорѣчія съ фактами и несомнѣнными свидѣтельствами впадаютъ тѣ изслѣдователи начальнаго періода нашей исторіи, которые продолжаютъ принимать за свой исходный пунктъ норманскую теорію происхожденія Руси. Вотъ уже въ теченіе десяти лѣтъ я веду постоянную, непрерывную борьбу съ этою искусственною теоріей, которая, благодаря долговременному господству въ русской исторіографіи, успѣла пріобрѣсти почти догматическій характеръ и многочисленныхъ сторонниковъ. Къ тому же на ея поддержку выступила и племенная тенденція въ лицѣ ученыхъ преимущественно нѣмецкаго происхожденія. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ легкомысленно было бы думать, что съ нею можно разъ навсегда покончить въ одинъ, въ два пріема. Нѣтъ, чтобы покончить съ нею основательно и безповоротно, чтобы расчистить мѣсто болѣе прочному, болѣе научному построенію нашего историческаго фундамента, нужно было вести возможно энергичную и неустанную борьбу, нужно было отражать сыпавшіяся съ разныхъ сторонъ возраженія, замѣчанія, недоумѣнія и даже глумленія. Надѣюсь, соотечественники не упрекнутъ меня въ томъ, чтобъ я отступилъ передъ этою борьбою. Я имѣю доказательства, что варяго-русскій

[1]) «Спеціальные труды по начальной русской исторіи». *Ж. М. Н. Пр.* 1881 г., февраль.

вопросъ, въ 1871 году поднятый мною вновь и на новыхъ основаніяхъ, пользуется несомнѣннымъ вниманіемъ русскаго образованнаго общества, хотя нѣкоторые поверхностные отзывы и пытались ославить его скучнымъ, надоѣвшимъ вопросомъ. Это вниманіе, помимо собственнаго, научнаго интереса, служило мнѣ не малымъ ободреніемъ въ помянутой борьбѣ. Въ настоящей своей статьѣ я желаю объяснить послѣдній фазисъ вопроса, указать вообще на пріемы моихъ противниковъ и прибавить еще нѣсколько чертъ къ суммѣ прежнихъ своихъ доказательствъ.

Я много благодаренъ моимъ возражателямъ въ томъ отношеніи, что они заставляли меня вновь и вновь возвращаться къ предмету, провѣрять свои основанія и все болѣе углубляться въ сущность вопроса. Благодаря тому, нѣкоторыя его стороны и подробности, мало освѣщенныя и недостаточно развитыя въ первыхъ моихъ статьяхъ, впослѣдствіи болѣе уяснились и подвинулись въ обработкѣ, а нѣкоторыя соображенія и доказательства второстепенной важности подверглись поправкамъ или совсѣмъ отброшены.

Между прочимъ въ своихъ изысканіяхъ о Руссахъ я натолкнулся на Болгарскія племена, обитавшія въ южной Руси, и счелъ необходимымъ пересмотръ вопроса о Болгарахъ. Этотъ пересмотръ привелъ меня къ тому выводу, что Болгаре, какъ и Русь, были чистое восточно-славянское племя. Тогда сдѣлалось возможнымъ отнести такъ-называемую славянскую параллель въ названіяхъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго именно къ названіямъ какой-либо болгарской вѣтви. Уяснилось тогда для меня отношеніе такъ-называемыхъ Черныхъ Болгаръ къ Руси Тмутраканской, и сдѣлалось возможнымъ предположеніе, что русскія письмена, найденныя Кирилломъ и Меѳодіемъ въ Крыму, были ничто иное какъ письмена славяно-болгарскія. Уяснилась такимъ образомъ и связь начальнаго русскаго христіанства съ греческими городами въ Тавридѣ. Далѣе, высказанное мною въ первыхъ статьяхъ предположеніе, что относительно сказанія о призваніи Варяговъ-Руси въ лѣтописяхъ, дошедшихъ до насъ, мы имѣемъ дѣло съ позднѣйшимъ искаженнымъ текстомъ и съ какими-то позднѣйшими вставками—это предположеніе впослѣдствіи подверглось болѣе тщательному обслѣдованію. Конечный мой выводъ былъ тотъ, что басня о призваніи трехъ варяжскихъ князей несомнѣнно была внесена уже въ первоначальный текстъ Повѣсти временныхъ лѣтъ самимъ игуменомъ Выдубецкимъ Сильвестромъ, который былъ авторомъ этой повѣсти, а не переписчикомъ ея (какъ оши-

бочно думали, полагая сочинителемъ ея печерскаго инока Нестора, автора житій игумена Ѳеодосія и Бориса и Глѣба). Начало басни о призваніи Варяговъ я отнесъ къ первой половинѣ XI вѣка, а развитіе ея—ко второй половинѣ, то-есть, къ эпохѣ сыновей и внуковъ Ингигерды. Потомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи, не ранѣе конца XII вѣка, Русь, посылавшая пословъ къ Варягамъ, была спутана съ самими Варягами, и тогда получился небывалый народъ Варяги-Русь. Я указалъ и на самый процессъ этого искаженія, именно въ спискахъ сѣверо-восточныхъ; утвержденію такого искаженнаго текста много способствовала наступившая эпоха Татарскаго ига, эпоха упадка древне-русской образованности и затемненія кіевскихъ преданій.

Такое позднѣйшее искаженіе первоначальнаго лѣтописнаго текста, такое смѣшеніе Варяговъ и Руси въ одинъ народъ невѣжественными переписчиками и сводчиками я выставилъ краеугольнымъ камнемъ всего зданія норманской системы происхожденія Руси и пригласилъ моихъ противниковъ опровергнуть прежде всего этотъ мой главный выводъ. Весьма любопытно то обстоятельство, что противники, не смотря на многократныя заявленія съ моей стороны, до сихъ поръ тщательно обходили именно этотъ основной пунктъ моей роксаланской системы или стародавняго туземнаго происхожденія Руси. Даже наиболѣе почтенные изъ нихъ въ своихъ возраженіяхъ приписывали мнѣ такое мнѣніе, будто самая легенда о призваніи Варяговъ „была сочинена въ Новгородѣ въ XIII вѣкѣ". При этомъ обыкновенно они ссылались на первыя мои статьи, невѣрно ихъ перетолковывая и совсѣмъ игнорируя послѣдующія, и именно тѣ, въ которыхъ основное мое положеніе объ искаженіи текста развито наиболѣе. Вообще отъ такого невниманія къ новой постановкѣ вопроса и къ другимъ существеннымъ моимъ основаніямъ полемика неизбѣжно должна была затянуться. Мнѣ не рѣдко приходилось напоминать, что отвѣты на многія возраженія уже даны въ моихъ статьяхъ; что прежде, нежели повторять эти возраженія, слѣдовало опровергнуть мои отвѣты. Я даже приходилъ иногда къ убѣжденію, что противники не только не вникали въ мои доводы, но и просто не читали ихъ толкомъ или совсѣмъ не читали.

Въ особенности любопытны пріемы норманистовъ по отношенію къ филологической сторонѣ вопроса. Если въ первыхъ моихъ статьяхъ и были сдѣланы попытки дать иныя объясненія собственнымъ именамъ, нежели давала норманская система, то впослѣдствіи, глубже

вникая въ эту сторону, я убѣдился въ полной несостоятельности современной филологической науки точно и удовлетворительно объяснить намъ древнія личныя имена и географическія названія; приглашалъ пока просто остановиться на фактѣ несомнѣннаго употребленія большинства данныхъ именъ у восточныхъ Славянъ, употребленія, засвидѣтельствованнаго разнообразными источниками, и предлагалъ только объясненія примѣрныя, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, относительно которыхъ высказалъ положительное заключеніе. Норманисты продолжали игнорировать эту мою основную мысль и голословно присвоивать своей этимологіи монополію научности, не смотря на вопіющія натяжки и произволъ своихъ объясненій. Несостоятельность ихъ филологіи доказывается тѣмъ, что если они въ подтвержденіе своихъ толкованій и ссылались на какіе-то законы языка, то при семъ никогда не могли привести ни одного яснаго, безспорнаго закона, который могъ бы точно и фактически быть провѣреннымъ. А между тѣмъ имъ оставался неизвѣстнымъ такой факторъ, какъ законъ народнаго осмысленія многихъ собственныхъ именъ, которыхъ настоящій смыслъ или давно утратился, или былъ непонятенъ по своему инородческому происхожденію. Кромѣ того, они злоупотребляли тою возможностью, которую представляетъ для этимологическихъ толкованій общее арійское родство языковъ нѣмецкаго и славянскаго корня.

И такъ, никто изъ моихъ спеціальныхъ возражателей, сколько нибудь извѣстныхъ въ ученой литературѣ, не можетъ пожаловаться, чтобъ онъ остался безъ отвѣта съ моей стороны. Въ особенности это относится къ покойному Погодину и А. А. Кунику. Послѣдніе мои отвѣты, были представлены на разсужденія о Варягахъ-Руси того же петербургскаго академика Куника, копенгагенскаго профессора Томсена и покойнаго нашего историка Соловьева (Древняя и Новая Россія. Апрѣль 1880). Кромѣ такихъ спеціальныхъ противниковъ, въ нашей наукѣ и литературѣ послѣдняго времени встрѣчались и другіе, которые, не принимая на себя систематической полемики со мною, высказывались или вообще за норманскую систему, или прямо противъ меня, при удобномъ случаѣ, мимоходомъ. Но такъ какъ ихъ мнѣнія выражались большею частію или слишкомъ отрывочно, или въ голословной, бездоказательной формѣ, то они почти не представляютъ матеріала для научной полемики. Однако я не желалъ по возможности и таковыхъ противниковъ оставлять совсѣмъ безъ отвѣта. Послѣднимъ доказательствомъ тому служитъ моя предыдущая

статья на страницахъ этого журнала. Въ настоящее время представлю еще примѣръ выставленныхъ противъ меня нѣкоторыхъ соображеній, не выдерживающихъ фактической провѣрки.

На Казанскомъ археологическомъ съѣздѣ 1877 года одинъ весьма уважаемый мною ученый, хотя и не безусловный сторонникъ норманской теоріи, по поводу своего реферата „О характерѣ власти нашихъ первыхъ князей", высказалъ, между прочимъ, два слѣдующія возраженія: Противъ туземнаго ихъ происхожденія говоритъ 1) то обстоятельство, что на Руси не сохранилось народныхъ легендъ о божественномъ происхожденіи князей, какъ это встрѣчается у другихъ народовъ и 2) что начальная хронологія нашей лѣтописи достовѣрна, и что лѣтописецъ, пользуясь какими-то старыми записями, подтверждаетъ сказаніе о кометѣ 912 года. (Возраженія эти, хотя и не вполнѣ, напечатаны въ „Извѣстіяхъ четвертаго археологическаго съѣзда". Казань. 1877, стр. 125—127). Случайно я не могъ въ то время отвѣтить на эти возраженія. Отвѣчаю теперь. Легенды о божественномъ происхожденіи князей не вездѣ сохранились и у другихъ народовъ. А главное, у кого мы будемъ искать сохраненія такихъ легендъ на Руси? Онѣ, конечно, могли принадлежать только языческому періоду; а нашъ лѣтописецъ-монахъ или игуменъ менѣе всего расположенъ былъ передавать потомству миѳологическія басни. И если онъ, почему бы то ни было, разъ остановился на извѣстномъ домыслѣ о призваніи князей изъ-за моря, то естественно не желалъ и повторять такія легенды, которыя противорѣчили бы этому его излюбленному домыслу. Скорѣе всего подобная легенда могла сохраниться въ поэтическихъ произведеніяхъ, проникнутыхъ языческимъ міровоззрѣніемъ. И она дѣйствительно сохранилась. Слово о Полку Игоревѣ прямо называетъ Русскихъ князей потомками (внуками) Дажьбога. Поэтъ, конечно, не самъ придумалъ такую генеалогію, а взялъ ее изъ народныхъ эпическихъ сказаній. Мало вѣроятія, чтобы таковыя сказанія остались совершенно неизвѣстными автору начальной лѣтописи, игумну Сильвестру; но онъ, повторяю, съ своей точки зрѣнія относился къ подобной генеалогіи непріязненно, отрицательно. Что же касается до кометы 912 года, то она менѣе всего можетъ свидѣтельствовать въ пользу какихъ-то современныхъ ей русскихъ записокъ и достовѣрности лѣтописной хронологіи о варяжскихъ князьяхъ. Извѣстно, что образцомъ и главнымъ источникомъ начальной лѣтописи служитъ славянскій переводъ византійской хроники Амартола и его продолжателей. Изъ той же хроники заимствовано также извѣстіе и о кометѣ 912 г.

(см. греческій текстъ въ Учен. Зап. Акад. Н., кн. VI, стр. 797). Въ русской лѣтописи оно, конечно ошибкой, отнесено къ 911 году. Мы увѣрены, что многоуважаемый ученый приметъ наше объясненіе съ обычными ему безпристрастіемъ и любовью къ исторической истинѣ.

Пользуюсь случаемъ прибавить кое-что къ вопросу объ источникахъ русскаго начальнаго лѣтописца.

Въ прежнихъ своихъ работахъ я уже указывалъ на результаты, которые получаются отъ сравненія всѣхъ извѣстій лѣтописи о морскихъ походахъ на Византію. Оказывается, что извѣстія о походахъ 865 и 941 гг. заимствованы ею буквально изъ хроники Амартола и его продолжателей, и въ нихъ не упоминается о Варягахъ. Извѣстія о походахъ 907 и 944 гг. свои собственныя, не заимствованныя; они баснословны и приплетаютъ Варяговъ. Наконецъ, извѣстіе о походѣ 1043 г. очевидно самостоятельное, независимое отъ византійскихъ хроникъ; оно отличается отъ нихъ подробностями, но сходно съ ними указываетъ на участіе наемныхъ Варяговъ. Такимъ образомъ, это участіе въ данномъ морскомъ походѣ является несомнѣннымъ и хронологически первымъ. А отсюда, отъ временъ Владиміра и Ярослава, отъ конца X и первой половины XI вѣка, лѣтописецъ дѣлалъ произвольное заключеніе о присутствіи Варяговъ и въ двухъ помянутыхъ предыдущихъ походахъ, о которыхъ онъ не имѣлъ положительныхъ, достовѣрныхъ свѣдѣній (см. мои Розысканія о началѣ Руси, 437—440). Я высказалъ предположеніе, что нашъ лѣтописецъ извѣстіе о походѣ 1043 года, конечно, „почерпнулъ изъ разказовъ стариковъ, современниковъ самому событію“. Это предположеніе свое могу подтвердить и дополнить слѣдующею догадкою, основанною на сопоставленіи разныхъ свидѣтельствъ самой лѣтописи. Подъ 1106 г. въ ней говорится: „преставися Янь, старецъ добрый, живъ лѣтъ 90; отъ него же азъ многа словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ; его же гробъ есть въ Печерскомъ монастырѣ въ притворѣ“. Этотъ старецъ былъ никто иной, какъ знатный кіевскій бояринъ Янъ Вышатичъ, другъ знаменитаго игумена Ѳеодосія Печерскаго. Авторъ лѣтописи, игуменъ Выдубецкій Сильвестръ, вѣроятно, самъ былъ печерскимъ инокомъ при Ѳеодосіѣ, а потому имѣлъ возможность нерѣдко слышать разказы Яна, когда тотъ посѣщалъ монастырь, или когда Ѳеодосій, можетъ быть сопровождаемый тѣмъ же Сильвестромъ, посѣщалъ Яна въ Кіевѣ. Къ разказамъ Яна, приводимымъ лѣтописью, несомнѣнно принадлежитъ пространное извѣстіе о волхвахъ въ Ростовской области подъ 1071 г., при чемъ Янъ Вышатичъ главнымъ

образомъ повѣствовалъ о собственныхъ подвигахъ. Если обратимся къ неудачному походу Руси на Царьградъ въ 1043 г., то увидимъ, вопервыхъ, что тутъ не только подтверждается присутствіе наемныхъ Варяговъ, но и прямо указано на ихъ антагонизмъ или несогласіе съ Русью; а вовторыхъ, явно прославляется Вышата, „отецъ Яневъ", въ ущербъ другимъ начальникамъ. Изъ всѣхъ воеводъ только одинъ Вышата не захотѣлъ покинуть 6,000 Руси, выброшенной бурею на берегъ, и сказалъ мужественныя слова: „аще живъ буду, съ ними аще ли погибну, то съ дружиною". Въ этомъ извѣстіи нельзя не узнать того же источника, то-есть, Яна Вышатича, который очевидно любилъ разказать что-нибудь любопытное или похвальное о себѣ и своемъ отцѣ. Подробности похода 1043 г. онъ, конечно, слыхалъ отъ отца Вышаты; но и самъ Янъ могъ лично участвовать въ томъ же походѣ, такъ какъ имѣлъ уже 27 лѣтъ отъ роду.

Если мы ближе всмотримся въ то обстоятельство, что, только благодаря старикамъ, подобнымъ Яну Вышатичу, лѣтописецъ могъ вести достовѣрное повѣствованіе съ конца X или начала XI вѣка; что никакихъ туземныхъ историческихъ записей о русскихъ событіяхъ онъ не имѣлъ ранѣе XI вѣка (исключая нѣкоторые договоры съ Греками), то еще болѣе убѣдимся въ томъ, какъ шатки и ненадежны его извѣстія о событіяхъ IX вѣка, и какое поле представлялось разнаго рода генеалогическимъ баснямъ и тенденціознымъ домысламъ. Онъ, напримѣръ, ровно ничего не знаетъ, по крайней мѣрѣ не говоритъ, о великихъ походахъ Руси на востокъ, въ Каспійское море, въ первой половинѣ X вѣка, о чемъ такъ громко повѣствуютъ арабскіе писатели.

Въ параллель съ басней о призваніи варяжскихъ князей можно поставить въ нашихъ лѣтописяхъ и другія сказанія, сообщаемыя еще болѣе положительнымъ тономъ, но фактически совершенно невѣрныя, и даже цѣлые документы, Богъ вѣсть на какихъ основаніяхъ сочиненныя. Напримѣръ, „Сказаніе о убіеніи Батыя во Угрехъ" (Воскресенск. и Никоновск.), или „Рукописаніе Магнуша короля Свѣйскаго" (Новогор. IV подъ 1347 г. Воскресенск. и Софійск. подъ 1352, Никоновская). Мало того, въ настоящее время на Валаамѣ монахи покажутъ вамъ даже могилу этого Магнуса, который будто бы здѣсь окончилъ свою жизнь православнымъ инокомъ. Это также какъ въ наше время сочинили могилу Синеуса около Бѣлозерска, а подъ Новгородомъ вы найдете могилу Гостомысла. Въ недавнее время развалины каменной крѣпости въ Старой Ладогѣ стали именовать „Рю-

риковымъ Городищемъ", хотя нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ о древности такого названія, и хотя лѣтописи прямо свидѣтельствуютъ, что эта крѣпость построена ладожскимъ посадникомъ Павломъ при Владимірѣ Мономахѣ, именно въ 1116 году. Тѣмъ не менѣе можно иногда встрѣтить ссылки на подобныя названія и могилы, какъ будто на какое-либо историческое свидѣтельство.

Впрочемъ опять повторяю, что не призваніе трехъ иноземныхъ князей (тенденціозный домыселъ о княжеской власти какъ источникѣ гражданскаго порядка) считаю я корнемъ или узломъ всего вопроса и всей норманской системы, а несомнѣнное искаженіе первоначальнаго лѣтописнаго текста, повлекшее за собою смѣшеніе туземной Руси съ заморскими Варягами въ одинъ небывалый народъ. Приглашаю своихъ противниковъ, и прежде всѣхъ достоуважаемаго А. А. Куника, сосредоточиться на этомъ пунктѣ и сопоставленіемъ всѣхъ существующихъ текстовъ опровергнуть это мое главное положеніе.

Въ виду такого приглашенія, приведу вкратцѣ мои доводы относительно позднѣйшаго искаженія лѣтописнаго текста, въ которомъ первоначально Русь стояла на первомъ мѣстѣ въ ряду народовъ, призывавшихъ варяжскихъ князей.

1) Новгородскія лѣтописи, начало которыхъ до насъ не дошло, несомнѣнно заключали въ себѣ легенду о призваніи князей. На это указываютъ: слова новгородскихъ пословъ въ Швеціи въ 1611 году, отрывокъ изъ Іоакимовой лѣтописи и Лѣтописецъ патріарха Никифора. Но въ новгородскихъ лѣтописяхъ Русь вмѣстѣ съ другими народами участвуетъ въ призваніи князей отъ заморскихъ Варяговъ (а не отъ Варяго-Русовъ), о чемъ свидѣтельствуютъ тотъ же Іоакимовскій отрывокъ, а главнымъ образомъ Лѣтописецъ патріарха Никифора. Сей послѣдній не только составленъ въ Новгородѣ, но и дошелъ до насъ въ рукописи XIII вѣка; слѣдовательно, это самый старшій изъ всѣхъ имѣющихся на лицо лѣтописныхъ списковъ. А тамъ ясно сказано: „Придоша Русь, Чюдь, Словѣне, Кривичи къ Варягомъ, рѣша: земля наша" и проч.

2) Древніе (XII—XIV вв.) западно-русскіе списки начальной лѣтописи, равно и самые кіевскіе списки, до насъ не дошли. Но они имѣли текстъ легенды приблизительно въ томъ же видѣ, какъ и новгородскіе. Доказательствомъ тому служатъ черпавшіе изъ нихъ свои разказы о Руси польскіе историки Длугошъ, Кромеръ, Мѣховскій, Стрыйковскій и др. Историки эти сообщаютъ, что трехъ варяжскихъ князей призвалъ не кто другой какъ сама Русь или собственно часть

ея (nonnulae Ruthenorum nationes—у Длугоша). Въ особенности для насъ важно показаніе Стрыйковскаго, передающаго подробно легенду о призваніи князей съ цитатой изъ русскихъ лѣтописей. Онъ говоритъ, что русскія лѣтописи не сообщаютъ, кто были Варяги, и предается по этому поводу разнымъ домысламъ, между прочимъ сближаетъ Варяговъ съ Ваграми славяно-балтійскими. (Вотъ когда уже начались измышленія славяно-балтійской теоріи!). Но замѣчательны слѣдующія его слова: „Лѣтописцы русскіе, не зная, кто были Варяги, прямо начинаютъ свои хроники такимъ образомъ: послаша Русь къ Варягамъ, говоря „приходите княжить и владѣть нами“ и проч. Къ тѣмъ же писателямъ XVI вѣка, знакомымъ съ русскими лѣтописями и отдѣлявшимъ Русь отъ Варяговъ, принадлежитъ и Герберштейнъ.

3) Въ нѣкоторыхъ имѣющихся спискахъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, и между прочимъ въ старѣйшихъ, сохранились явные слѣды первоначальной, то-есть, Сильвестровой редакціи. Напримѣръ, въ Лаврентьевскомъ, Ипатскомъ, Троицкомъ, Переяславскомъ при описаніи посольства за море сказано: „рѣша Русь, Чюдь, Словѣне, Кривичи и Весь: земля наша“ и проч. Въ другихъ спискахъ (напримѣръ, Радзивиловскомъ) стоитъ: „рѣша Руси, Чудь, Словѣне, Кривичи“. Весьма вѣроятно, что именно эта ошибка какого-то писца, сказавшаго Руси вмѣсто Русь, повторенная другими переписчиками, и послужила однимъ изъ источниковъ искаженнаго текста. Такъ какъ выходило, что послы, отправленые къ Варягамъ, обращались съ своею рѣчью къ Руси, то заключили о ихъ тожествѣ, и въ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ сводахъ получился небывалый народъ Варяги-Русь. По отдѣленіи Руси отъ призывающихъ народовъ, на первомъ мѣстѣ въ числѣ сихъ народовъ осталась Чудь, чѣмъ и объясняется это странное первенство Чуди передъ Славянами въ дѣлѣ призванія князей. (То же въ сводахъ Софійскомъ и Воскресенскомъ).

4) Когда Русь по ошибкѣ и невѣжеству переписчиковъ отнесена была къ Варягамъ, тогда явились въ текстѣ позднѣйшія вставки или глоссы, старавшіяся пояснить этихъ непонятныхъ Варяго-Руссовъ. Напримѣръ: „сице бо звяхуть ты Варагы Русь яко се друзіи зовутся Свсе, друзіи Урмани, Англяне, иніи Готе“. Или: „отъ тѣхъ прозвася Русская земля Новгородци, ти суть людіе Новгородцы отъ рода Варяжска, преже бо бѣша Словѣне“ (по Лаврент. списку); то-есть: отъ Варягъ прозвались Русскою землею Новгородцы; а эти Новгородцы, будучи Варяжскаго рода, прежде были Славянами—безсмыслица пол-

ная. Но если возьмемъ въ расчетъ Ипатьевскій списокъ, гдѣ въ данномъ мѣстѣ сказано только: „отъ тѣхъ Варягъ (то-есть отъ Рюрика съ братьями) прозвася Русская земля“, и сравнимъ съ однимъ предыдущимъ мѣстомъ лѣтописи, то можетъ быть, доберемся и до происхожденія этой глоссы. А именно: „въ лѣто 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля. О семъ бо увѣдахомъ яко при семъ цари приходиша Русь на Царьградъ, якоже пишетъ въ лѣтописаніи грѣцкомъ“. Въ этомъ первоначальномъ текстѣ довольно ясно говорится, что Русская земля тогда-то, при Михаилѣ царѣ, стала впервые прозываться, то-есть, впервые имя Руси встрѣтилось въ хроникѣ Георгія Амартола по поводу нападенія на Царьградъ. А глоссаторъ понялъ это буквально, то-есть, что Русь стала называться Русью только съ того времени, къ которому легенда пріурочила свое призваніе варяжскихъ князей. Выходило такимъ образомъ, что имя Руси пришло къ намъ съ этими князьями, и тѣмъ болѣе, что (по указанной выше ошибкѣ) пословъ посылали Чудь и Славяне къ Руси. Но рядомъ съ подобными глоссами остались и другія, явно противорѣчащія имъ выраженія первоначальной редакціи. Напримѣръ: „Поляне яже зовомая Русь“; или: „Словенескъ языкъ и русскій одинъ“. Образчикъ позднѣйшаго искаженія текста о призваніи видимъ и на словѣ Весь. Въ нѣкоторыхъ спискахъ она занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду призывающихъ народовъ, а въ другихъ обратилась въ слово вси или вся и отнесена то къ предыдущему слову („Кривичи вси“), то къ послѣдующему („вся земля наша“). Слѣдовательно, названія перваго народа мнимой федераціи (Русь) и послѣдняго (Весь) подверглись отдѣленію отъ этой федераціи, искаженію и вообще путаницѣ.

5) Тѣ же польскіе историки указываютъ на другой фактъ искаженія въ первоначальномъ текстѣ, именно на Оскольда и Дира, которые являются у нихъ туземными князьями, потомками миѳическаго Кія, что̀ гораздо естественнѣе и сообразнѣе съ ходомъ разказа. (Нѣчто подобное видимъ въ Степен. кн., Никоновск. лѣт. и Русск. хронографѣ въ Изборникѣ А. Попова). Все это указываетъ на разнообразіе, на варіанты лѣтописнаго текста. Наконецъ, еслибы въ первоначальномъ текстѣ легенды прямо и положительно говорилось, что Русь принадлежала къ Варягамъ, то не могло бы явиться и весьма разнообразнаго толкованія имени Руси по свидѣтельству польскихъ историковъ и нѣкоторыхъ русскихъ лѣтописей. Кромѣ домысла о происхожденіи ея отъ Варяговъ, приводилось до шести слѣдующихъ

толкованій: 1) отъ Руса, брата Чеху и Леху; 2) отъ сарматскаго народа Роксоланъ; 3) отъ города Русы; 4) отъ русыхъ волосъ; 5) отъ слова разсѣянія; 6) отъ рѣки Русы или Рось.

Надѣюсь, что всѣ приведенныя мною ссылки и указанія суть факты, которые каждый можетъ провѣрить. А затѣмъ приглашаю опровергнуть тѣ выводы, которые я дѣлаю на основаніи этихъ фактовъ.

Изысканія о началѣ Руси, какъ я сказалъ, натолкнули меня, между прочимъ, на вопросъ о народности древнихъ Болгаръ. А пересмотръ этого вопроса привелъ меня къ тому убѣжденію, что прежнее его рѣшеніе было основано на явныхъ недоразумѣніяхъ и предвзятыхъ толкованіяхъ. Та же нѣмецкая наука, которая построила норманскую систему Руси, усмотрѣла въ Болгарахъ какое-то туранское происхожденіе. Противъ нея возсталъ было Венелинъ. Но Шафарикъ, находившійся подъ непосредственнымъ вліяніемъ этой науки, своимъ авторитетомъ освятилъ мнѣніе Нѣмцевъ; а за нимъ и западные, и наши слависты начали повторять это мнѣніе какъ бы какую-то, въ самомъ дѣлѣ, научную истину. Въ дѣйствительности никто изъ нихъ, положительно никто, не занялся этимъ вопросомъ спеціально и не обслѣдовалъ его со всѣхъ сторонъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности гг. Макушевъ и Ягичъ, за одно съ А. А. Куникомъ, весьма враждебно отнеслись къ моему изслѣдованію о происхожденіи Болгаръ. Между тѣмъ до сихъ поръ послѣдователи туранской теоріи сами еще не установили твердаго, опредѣленнаго мнѣнія объ этомъ происхожденіи: большая часть ихъ, вслѣдъ за Шафарикомъ, видитъ въ Болгарахъ Чудское или Финское племя, а нѣкоторые усматриваютъ въ нихъ Турецкую расу. Г. Куникъ построилъ даже особую теорію чувашско-татарскаго ихъ происхожденія. Главнымъ орудіемъ подобныхъ теорій служитъ все та же несчастная этимологія собственныхъ именъ, которыя не поддаются никакимъ строго научнымъ объясненіямъ, а обыкновенно вздергиваются на этимологическую дыбу (любимое выраженіе нашихъ норманистовъ), благодаря которой и получаются желаемые результаты. Любопытно при этомъ, что люди, не знающіе финскихъ или татарскихъ языковъ, смѣло относятъ данныя имена къ тому или другому изъ этихъ языковъ.

Немалое вліяніе имѣетъ въ этомъ вопросѣ то обстоятельство, что наши университетскіе слависты собственно—спеціалисты по славян-

скимъ нарѣчіямъ, а не по славянской исторіи. Каѳедра славянская большею частію у насъ такъ поставлена, что исторія Славянъ какъ бы для нея необязательна, а обязательны только ихъ нарѣчія. Еще менѣе можемъ ожидать строго научной, безпристрастной обработки древне-славянской исторіи отъ нашихъ академиковъ-Нѣмцевъ. Поэтому и не удивительно, что древнѣйшая исторія славянства еще не имѣетъ подъ собою твердо установленной почвы и слишкомъ далеко отстала отъ той степени обработки, какою пользуется въ наукѣ начальная исторія племени Германскаго.

По поводу Болгаръ я уже имѣлъ случай отвѣчать гг. Макушеву и Кунику (Къ вопросу о Болгарахъ въ Русск. Старинѣ 1879 г., май). Г. Ягичу отвѣчать было нечего, потому что его нѣмецкое изданіе Archiv für Slavische Philologie при всякомъ удобномъ случаѣ рѣзко, но голословно высказывало свое несочувствіе моимъ изслѣдованіямъ о Руси и Болгарахъ. Другое дѣло, еслибы г. Ягичъ попытался что-нибудь въ этихъ изслѣдованіяхъ опровергнуть систематически, научнымъ образомъ. Но такъ какъ, будучи филологомъ и отчасти этнографомъ, онъ менѣе всего историкъ славянства, то собственно нельзя и ожидать отъ него подобныхъ опроверженій.

Между тѣмъ недостатокъ исторической почвы, недостатокъ историко-критическаго метода по отношенію къ древней исторіи славянства со стороны славистовъ-профессоровъ, какъ мы видимъ, отражается и на ихъ ученикахъ, то-есть, на тѣхъ молодыхъ ученыхъ, которые посвящаютъ свои первые труды какому-либо отдѣлу именно изъ этой древней славянской исторіи.

Передъ нами, напримѣръ, два сочиненія молодыхъ ученыхъ, относящіяся къ Балканскимъ Славянамъ; одно: Изъ исторіи древнихъ Болгаръ — М. Соколова. С.-Пб. 1879; другое: Извѣстія Константина Багрянороднаго о Сербахъ и Хорватахъ—К. Грота. С.-Пб. 1880. Оба сочиненія удостоены награжденія золотою медалью отъ С.-Петербургскаго университета. Награда вполнѣ заслуженная: отъ молодыхъ ученыхъ невозможно и требовать болѣе основательнаго знакомства съ источниками и литературою предмета, и труды ихъ заставляютъ ожидать многаго отъ ихъ авторовъ въ сферѣ славянской исторической науки. Отдавая должную имъ справедливость вообще, мы остановимся только на томъ, какъ они отнеслись къ вопросу о болгарской народности. Преимущественно укажемъ на сочиненіе г. Соколова, которое спеціально посвящено Болгарамъ; оно распа-

дается на двѣ половины: „Образованіе болгарской національности“ и „Принятіе христіанства Болгарскими Славянами“.

Казалось бы, что сочиненіе, на половину посвященное вопросу о національности Болгаръ, должно было отнестись къ нему съ особымъ тщаніемъ, разсмотрѣть новую постановку этого вопроса и взвѣсить ея доводы. Ничуть не бывало. Тутъ мы видимъ повтореніе все тѣхъ же пріемовъ и натяжекъ, которые такъ запутали и затемнили вопросъ. Перечисляется масса славянскихъ племенъ, поселившихся въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова, съ ихъ именами и мѣстами жительства, и эти племена трактуются отдѣльно отъ Болгаръ, какъ бы существовавшіе тамъ до ихъ прихода (57—58). А между тѣмъ источники упоминаютъ объ этихъ славянскихъ племенахъ уже послѣ водворенія Аспаруховыхъ Болгаръ, и нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, чтобъ это не были племена именно Болгарскія. И тѣ семь славянскихъ родовъ, которые нашелъ тамъ Аспарухъ (точнѣе Есперикъ), кромѣ Сербовъ (или Сѣверянъ), были, вѣроятнѣе всего, Болгары, переселеніе которыхъ за Дунай совершалось въ теченіе, по крайней мѣрѣ, двухъ столѣтій до Аспаруха. Самъ авторъ соглашается, что Кутуруры, поселившіеся во Ѳракіи при Юстиніанѣ, были Болгары; что сіи послѣдніе появились за Дунаемъ еще ранѣе, въ V вѣкѣ; что съ того времени не прекращалось ихъ движеніе въ эту сторону (стр. 40 и далѣе). Но въ то же время авторъ продолжаетъ исходнымъ пунктомъ для болгарской исторіи считать легенду о Кувратѣ и его пяти сыновьяхъ, относимыхъ къ VII вѣку, и безъ всякихъ доказательствъ выдавать эту легенду за историческій фактъ. Нельзя же принять за серьезное возраженіе мнѣ и за доказательство ея историчности предположеніе, что „въ ихъ (Никифора и Феофана) изложеніи сохранились слѣды близости къ событію автора того источника, которымъ они пользовались“ (76). И это единственное возраженіе, которое я встрѣтилъ у г. Соколова на изслѣдованіе мое о Болгарахъ. Впрочемъ, онъ упоминаетъ обо мнѣ еще разъ, замѣтивъ, что я свое мнѣніе о воинственности Славянъ заимствовалъ у г. Дринова (91). Между тѣмъ моя борьба съ антиславистами появилась въ печати, если не ошибаюсь, двумя годами ранѣе диссертаціи г. Дринова, который притомъ въ своей диссертаціи въ отношеніи Болгаръ принадлежитъ также къ антиславистамъ. Г. Соколовъ добавляетъ при этомъ: „Достаточно подробное опроверженіе теоріи Иловайскаго сдѣлалъ Макушевъ въ рецензіи на книгу Иречка“ (объ этомъ опроверженіи г. Макушева, поверхностномъ и голословномъ, см. мой отвѣтъ въ Сбор-

никѣ Госуд. Знаній, т. VII, и въ Русск. Старинѣ 1879 г., май). Я даже полагаю, что г. Соколовъ прочелъ только рецензію г. Макушева, но моего изслѣдованія, вѣроятно, не читалъ.

„Что касается національности Болгаръ, то въ настоящее время можно считать окончательно доказаннымъ, къ какой группѣ народовъ они принадлежали"—говоритъ г. Соколовъ (89). И тутъ же изъ дальнѣйшаго развитія этого положенія мы видимъ, что ничего не только окончательно не доказано, а напротивъ, сами антислависты распадаются на двѣ категоріи: одни относятъ Болгаръ къ Чудской или Финской группѣ, а другіе—къ Тюркской. Г. Соколовъ склоняется къ послѣдней. Затѣмъ слѣдуютъ обычныя измышленія противъ арійской народности Болгаръ, какъ-то: „конный, воинственный народъ со многими обычаями, свойственными только азіатскимъ народамъ турецко-татарскаго племени"; „крѣпкая военная организація, развитое военное искусство и сильная монархическая власть", и все это противополагается „мягкимъ нравамъ Славянъ", отсутствію у нихъ „военной, государственной организаціи". Отсталость и ненаучность подобныхъ доводовъ я уже объяснялъ не разъ и не буду вновь о нихъ распространяться. Тутъ все произвольно и гадательно. Откуда, напримѣръ, изъ какихъ источниковъ взято это положеніе о сильной монархической власти у Болгаръ еще въ то время, когда они появились на предѣлахъ Византійской имперіи? И чѣмъ она была сильнѣе княжеской власти у Русскихъ и другихъ Славянъ? Что̀ это за смѣшеніе всѣхъ Славянъ того времени въ одинъ мирный, осѣдлый, пѣшій народъ? Исторія застаетъ Славянъ на пространствѣ отъ Адріатическаго моря до Волги, въ гористыхъ и степныхъ мѣстахъ, по берегамъ морей и внутри континента, въ сосѣдствѣ съ дикими и культурными народами, и все это будто имѣло одни обычаи, одинъ складъ жизни, одно политическое состояніе и т. д.? Откуда это гаданіе, что именно восточные Славяне, пришедшіе прямо изъ черноморскихъ степей, не могли явиться народомъ грубымъ, склоннымъ къ грабежу и разоренію чужихъ земель? Произволъ во всѣхъ этихъ доводахъ слишкомъ очевиденъ, чтобъ имѣть притязаніе на какое-нибудь научное значеніе.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ я, надѣюсь, ясно показалъ, что, говоря о правахъ и обычаяхъ, наивно было бы смѣшивать вопросъ о степени и характерѣ культуры съ вопросомъ о народности, что остатки кочеваго быта не могутъ служить признаками исключительно туранскаго происхожденія, и т. п.

Верхъ совершенства въ пріемахъ антиславистовъ составляютъ тѣ гаданія, посредствомъ которыхъ они пытаются объяснить быстрое и совершенно непонятное превращеніе Болгаръ въ Славянъ уже въ IX вѣкѣ. Вотъ эти гаданія: „Вліяніе Славянъ на Болгаръ началось ранѣе ихъ переселенія за Дунай"; „очень можетъ быть, что въ Аспаруховой ордѣ былъ элементъ славянскій". „Болгарскій элементъ несомнѣнно продолжалъ существовать и послѣ крещенія Болгаръ—въ Добруджѣ, удобной для пастбищъ коней, гдѣ положеніе ихъ было изолировано". „Орда Аспаруха была не очень многочисленна, не могла довольствоваться собственными силами и для борьбы съ Греками употребляла покоренныхъ Славянъ" (93—94). Въ наше время исторической критики какъ-то совѣстно вести борьбу съ такими наивными пріемами; ихъ несостоятельность должна бросаться въ глаза даже всякому не посвященному въ дѣло науки и обладающему только здравымъ смысломъ. Чтобы спасти мнимое туранство Болгаръ, оказывается необходимымъ прибѣгнуть къ такимъ произвольнымъ, ни на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ не основаннымъ гаданіямъ, какъ малочисленность Болгаръ и присутствіе Славянъ въ какой-то Болгарской ордѣ еще прежде ея переселенія за Дунай. Оказывается, что этотъ грозный, воинственный Болгарскій народъ былъ такъ слабъ, что покорилъ себѣ Балканскихъ Славянъ съ помощью невоинственныхъ, покоренныхъ Славянъ, неизвѣстно откуда взявшихся и къ какой вѣтви принадлежащихъ. Оказывается, что этотъ энергическій, господствующій надъ Славянами народъ, снабженный сильною монархическою властью и военно-государственною организаціей, не устоялъ передъ кроткимъ, покореннымъ племенемъ и быстро растаялъ, при чемъ принялъ его языкъ, и такъ основательно, что не оставилъ въ этомъ языкѣ никакихъ своихъ слѣдовъ. А что̀ это за Болгары, сохранившіе свою татарскую народность въ Добруджѣ? На какихъ источникахъ это основано? И куда же исчезла эта, якобы сохранившаяся тамъ народность? Совершенно несправедливо также ссылаться на принятіе христіанства въ оправданіе такого превращенія. Христіанство тутъ не причемъ. Угры также покорили Славянъ, поселились между ними, крестились (сначала также по византійскому обряду), однако не утратили своего языка и народности. Вообще такихъ примѣровъ нѣтъ, чтобы какой-либо господствующій народъ быстро утратилъ свой языкъ, принявъ христіанство. Однимъ словомъ, тутъ мы встрѣчаемъ полное невѣдѣніе основныхъ, элементарныхъ законовъ исторической жизни народовъ и государствъ, совершенное невѣдѣніе

законовъ вымиранія старыхъ языковъ или образованія новыхъ. Ничего подобнаго нигдѣ исторія намъ не представляетъ. Обращу вниманіе еще на слѣдующее: Рядомъ съ произвольнымъ предположеніемъ о малочисленности Болгаръ ставится еще другое произвольное предположеніе о томъ, что они ославянились не такъ быстро; что отъ VII вѣка (времени ихъ окончательнаго водворенія за Дунаемъ) до IX вѣка (времени крещенія и славянской письменности) прошло около двухъ вѣковъ. И этотъ срокъ все-таки небывалый для превращенія господствующаго энергическаго племени въ покоренное, притомъ яко бы вялое, пассивное племя, дотолѣ ничѣмъ себя не заявившее и никакою культурою не обладавшее. Но не замѣчаютъ еще при этомъ слѣдующаго своего промаха. Доказательства неславянства Болгаръ, на основаніи ихъ варварскихъ нравовъ, сгруппированныя Шафарикомъ (на котораго ссылаются), взяты преимущественно изъ войнъ Крума съ Византіей и изъ отвѣтовъ папы Николая I въ 866 г. Въ эпоху же своего крещенія (около 860 г.) Болгары пользуются славянскою грамотой и вообще являются уже чистыми Славянами. И такъ, если взять въ расчетъ варварство Болгаръ во время Крума, то для превращенія ихъ въ Славянъ получится какихъ-нибудь пятьдесятъ лѣтъ. А если принять во вниманіе указаніе на варварскіе (по Шафарику финскіе) обычаи въ Отвѣтахъ Николая I, то для превращенія Болгаръ въ Славянъ не только времени не останется, а первые продолжали оставаться Болгарами, то-есть, самими собою, такъ сказать, внѣ всякихъ сроковъ. Однимъ словомъ, со всѣхъ сторонъ такія вопіющія противорѣчія, такое отсутствіе смысла, что говорить послѣ того о какомъ-то туранствѣ болгарскихъ личныхъ именъ, прибѣгая при этомъ къ греческой транскрипціи и всякаго рода натяжкамъ, и искать поддержки этому туранству въ этимологическихъ домыслахъ— просто недостойно людей, занимающихся наукою. Вообще, въ виду выставленнаго мною на передній планъ положенія о невозможности помянутаго превращенія Болгаръ въ Славянъ при данныхъ условіяхъ, заниматься всякаго рода иными аргументами, въ родѣ нѣкоторыхъ личныхъ именъ и нѣкоторыхъ обычаевъ—я въ настоящее время считаю не болѣе какъ толченіемъ воды, простымъ дѣломъ самолюбія или національнаго пристрастія со стороны корифеевъ туранскихъ теорій. Считаю долгомъ оговориться при этомъ, что книгою г. Соколова я пользуюсь какъ новымъ случаемъ указать на полный недостатокъ научныхъ историко-критическихъ пріемовъ той школы, къ которой онъ принадлежитъ относительно даннаго вопроса. Отъ него, какъ на-

чинающаго молодаго ученаго, нельзя еще требовать полной самостоятельности и критической зрѣлости въ подобныхъ вопросахъ. Я имѣю въ виду собственно тѣхъ, кого онъ повторяетъ. Нельзя не замѣтить, что въ вопросахъ о неславянствѣ Руси и Болгаръ петербургская университетская наука находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ С.-Петербургской академіи наукъ и главнымъ образомъ А. А. Куника. По крайней мѣрѣ, я постоянно встрѣчаюсь со ссылками на него въ статьяхъ и книгахъ петербургскихъ молодыхъ и немолодыхъ ученыхъ, какъ скоро рѣчь заходитъ о древней Руси и Болгарахъ. (Къ нимъ принадлежитъ и г. Соколовъ).

Относительно названнаго выше сочиненія г. К. Грота я долженъ отдать справедливость его изысканіямъ о Сербахъ и Хорватахъ. Тутъ можно было бы сдѣлать только кое-какія замѣчанія второстепенной важности. Но одно изъ приложеній къ своей книгѣ онъ посвятилъ Болгарамъ, гдѣ касается вопроса о ихъ народности. При этомъ онъ почти буквально, только вкратцѣ, повторяетъ тѣ же доводы и тѣ же положенія, какіе предлагаетъ г. Соколовъ. Отъ г. Грота конечно, также нельзя еще требовать самостоятельности въ этомъ случаѣ и критическаго отношенія къ туранской теоріи своихъ руководителей. Но работа его о Сербахъ и Хорватахъ, повторяю, возбуждаетъ надежды и дѣлаетъ честь его учителямъ.

И такъ, я обвиняю своихъ противниковъ по даннымъ вопросамъ въ сильномъ недостаткѣ истинныхъ критическихъ пріемовъ, въ занятіяхъ мелочами, вообще предметами, не имѣющими серьезнаго значенія, и въ упущеніи изъ виду главныхъ и важнѣйшихъ сторонъ. Такъ, въ вопросѣ о Руси я приглашалъ ихъ прежде всего объяснить, какъ и куда безслѣдно пропалъ сильный Роксоланскій народъ и филологически опровергнуть, что первая половина его имени тожествена съ названіемъ Рось; затѣмъ приглашалъ доказать, что уже первоначальный лѣтописный текстъ заключалъ въ себѣ смѣшеніе Варяговъ съ Русью въ одинъ народъ, а далѣе доказать возможность того, чтобы цѣлая федерація разноплеменныхъ народовъ призвала откуда-то изъ-за моря чуждый народъ для господства надъ собою. Точно также въ вопросѣ о Болгарахъ прежде всего имъ слѣдовало доказать физическую возможность токого быстраго превращенія энергическаго племени завоевателей и основателей государственнаго быта въ народность покоренную, не обнаружившую дотолѣ никакой политической организаціи, никакой сколько-нибудь развитой культуры, доказать сравнительно-филологическимъ путемъ возможность такой быстрой, безслѣдной утраты род-

наго языка этимъ туранскимъ племенемъ въ пользу языка славянскаго. Когда это будетъ доказано, только тогда и можно толковать о такихъ предметахъ, какъ сбивчивая какая-нибудь фраза источника, какъ нѣкоторыя черты нравовъ или нѣкоторыя личныя имена, этимологію которыхъ филологическая наука пока разъяснить не въ состояніи, точное произношеніе которыхъ намъ неизвѣстно, и которыя въ древней исторіи Болгаръ перемѣшаны съ такими обще- или явнославянскими именами, какъ Драгоміръ, Доброміръ, Владиміръ, Нравота, Звеницъ (Zvynitzes), Баянъ, Борисъ, и др. Что касается до моихъ собственныхъ изслѣдованій, то я уже не разъ заявлялъ о возможности мелкихъ недосмотровъ и не разъ дѣлалъ въ этомъ случаѣ разныя поправки. Но такія поправки не нарушаютъ моихъ главныхъ выводовъ; не нарушатъ ихъ и впредь. Позволяю себѣ говорить съ увѣренностію. Ибо прежде чѣмъ выступить въ печати съ инымъ рѣшеніемъ данныхъ двухъ вопросовъ (о Руси и Болгарахъ), я много и внимательно взвѣшивалъ и обслѣдовалъ основные, исходные или краеугольные пункты, которымъ и принадлежитъ рѣшающее значеніе. Въ ихъ правильной установкѣ и заключается вся суть дѣла; а разработка мелочей и даже второстепенныхъ сторонъ должна слѣдовать послѣ, и тутъ я могъ что-нибудь недосмотрѣть. Но моихъ основныхъ пунктовъ никто не опровергнетъ, или исторія—не наука. Повторяю это смѣло и рѣшительно.

Въ 1876 году, издавая сборникъ своихъ изслѣдованій и полемическихъ статей подъ общимъ заглавіемъ „Розысканія о началѣ Руси", куда вошло и мое изслѣдованіе о Болгарахъ Дунайскихъ, я въ концѣ сего послѣдняго помѣстилъ оговорку относительно собственно Гунновъ. Не отвергая пока господствующаго мнѣнія объ ихъ угро-финской народности, я объявилъ вопросъ о нихъ еще не рѣшеннымъ окончательно или открытымъ. „По многимъ признакамъ"—сказалъ я—„едва ли главная роль въ толчкѣ, породившемъ такъ-называемое великое переселеніе народовъ, не принадлежала именно народамъ Сармато-Славянскимъ, и преимущественно Болгарамъ. Представляется еще вопросъ: кому первоначально принадлежало самое имя Гунны? Очень возможно, что оно и съ самаго начала принадлежало Славянамъ-Болгарамъ, и отъ нихъ уже перенесено греко-римскими писателями на нѣкоторые другіе народы, а не наоборотъ" (Роз. о нач. Р., стр. 410). Дѣло въ томъ, что нѣмецкое мнѣніе о туранствѣ Гунновъ послужило

исходнымъ пунктомъ антиславянской теоріи въ отношеніи Болгаръ, такъ какъ нѣкоторые источники относятъ сихъ послѣднихъ къ народамъ гуннскимъ. Въ своемъ изслѣдованіи я старался выдѣлить Болгаръ изъ группы гуннскихъ народовъ и разсматривать ихъ независимо отъ вопроса о томъ, кто были сами Гунны IV вѣка и временъ Аттилы. Изысканія мои расположились такимъ образомъ, что я постепенно восходилъ отъ послѣдующаго къ предыдущему. Занявшись вопросомъ, кто такое была Русь, я убѣдился въ ея туземномъ, славянскомъ происхожденіи; но въ то же время я натолкнулся на нѣкоторыя болгарскія племена, обитавшія въ южной Россіи и вошедшія въ составъ русской національности. Это обстоятельство заставило меня пересмотрѣть вопросъ о народности Болгаръ, и результатъ пересмотра есть полнѣйшее убѣжденіе въ ихъ славянствѣ. Въ свою очередь, изслѣдованіе сего вопроса, волей-неволей, приводитъ меня къ пересмотру туранской теоріи о народности Гунновъ. Тѣмъ труднѣе уклониться отъ такого пересмотра, что великое гуннское движеніе тѣсно связано не только съ начальною исторіей всего Славянскаго міра, но и съ судьбою Роксоланскаго племени, то-есть, съ начальною исторіей русской государственной жизни. Со времени помянутой выше моей оговорки прошло пять лѣтъ, и я неоднократно посвящалъ свой досугъ пересмотру этого вопроса и наблюденіямъ, къ нему относящимся. Не берусь въ настоящій моментъ представить о немъ подробное и законченное изслѣдованіе. Если время и обстоятельства позволятъ, можетъ быть, вернусь къ нему впослѣдствіи съ болѣе обработанною системой. А пока ограничусь сообщеніемъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ я пришелъ.

Извѣстно, что противъ татаро-финской теоріи Нѣмцевъ (Энгеля, Тунмана, Клапрота и др.), по отношенію къ Болгарамъ и къ Гуннамъ вообще, сильно возсталъ Венелинъ (въ сочиненіи „Древніе и нынѣшніе Болгаре". М. 1829). Но онъ поддался многимъ увлеченіямъ въ своей собственной теоріи и встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе со стороны самихъ славянскихъ ученыхъ, съ знаменитымъ Шафарикомъ во главѣ. Такъ сильно было ихъ подчиненіе своимъ учителямъ Нѣмцамъ даже въ сферѣ славянской науки! Послѣ того нѣкоторые писатели не разъ пытались поддержать борьбу, начатую Венелинымъ. Но на нихъ смотрѣли только какъ на оригиналовъ, и, пожалуй, отчасти справедливо. Таковымъ, напримѣръ, явился Вельтманъ („Индо-Германы или Сайване". М. 1856; „Аттила и Русь IV и V в.". М. 1858). У него можно встрѣтить нѣсколько любопытныхъ замѣ-

чаній и соображеній; однако въ цѣломъ его изслѣдованія представляютъ какой-то мистическій сумбуръ. Въ послѣднее время поборникомъ славянства Гунновъ выступилъ г. Забѣлинъ („Исторія русской жизни". Ч. I. М. 1876). Не прибавивъ ничего существеннаго къ доказательствамъ Венелина, онъ, къ сожалѣнію, нѣсколько запуталъ вопросъ, отожествивъ какимъ-то образомъ Гунновъ именно съ Балтійскими Славянами, а сихъ послѣднихъ съ Варягами. Но уже самыя подобныя попытки указываютъ, что теорія туранства Гунновъ никогда не была доказана сколько-нибудь удовлетворительнымъ, научнымъ образомъ и постоянно требовала серьезнаго пересмотра.

Пересматривая вопросъ о народности Гунновъ, я пришелъ къ тому убѣжденію, что рѣшеніе его заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ разъясненіи народности Болгаръ. Въ своемъ изслѣдованіи о сихъ послѣднихъ я старался выдѣлить ихъ изъ общаго состава гуннскихъ народовъ, упоминаемыхъ источниками, и разматривалъ народность Болгаръ независимо отъ народности Гунновъ; другими словами, восходя отъ послѣдующаго къ предыдущему, я разсматривалъ факты IX, VIII, VII и VI вѣковъ, только отчасти касаясь исторіи IV и V вѣковъ. Для моей цѣли, то-есть, для разъясненія, кто были Болгаре, этого было совершенно достаточно. Если мы находимъ ихъ Славянами въ IX вѣкѣ, идемъ далѣе въ глубь вѣковъ, и не замѣчаемъ нигдѣ ни малѣйшей перемѣны, никакихъ фактовъ, которые противорѣчили бы этому славянству или указывали бы на какое-либо превращеніе въ Славянъ совершенно чуждой народности, то естественно имѣемъ полное право заключить, что Болгаре всегда были Славянами. Разъ установивъ это положеніе, я обращаюсь къ разъясненію вопроса о взаимномъ отношеніи Болгаръ и Гунновъ, и прихожу къ тому заключенію, что первыхъ не слѣдуетъ выдѣлять изъ состава собственно гуннскихъ народовъ. Сличая свидѣтельства источниковъ, особенно извѣстія Прокопія, Агаѳія и Менандра, съ другими писателями, мы видимъ, что двѣ главныя вѣтви Болгаръ, Утургуры и Кутургуры, были племена гуннскія по преимуществу. Мы приходимъ къ убѣжденію, что по разрушеніи царства Аттилы Гунны не думали пропадать куда-то на востокъ или проваливаться сквозь землю. Соединенные на время могучею волей и энергіей этого замѣчательнаго человѣка, они потомъ посреди обычныхъ княжескихъ распрей и междоусобій утратили господство надъ Германскимъ міромъ, снова раздѣлились и продолжали жить отдѣльными племенами, будучи извѣстны византійскимъ и латинскимъ писателямъ подъ разными племенными

названіями, какъ-то—Болгаръ, Кутургуровъ, Утургуровъ, Ультинзуровъ, Буругундовъ, Савировъ и т. п. Слѣдовательно, если Болгаре, будучи Славянами, въ то же время были тожественны съ Гуннами, то и Гунны являются ни кѣмъ инымъ какъ Славянами.

Обращаясь къ извѣстной росписи болгарскихъ князей, обнародованной А. Н. Поповымъ, находимъ тамъ до нѣкоторой степени подтвержденіе тому, что Дунайскіе Болгаре не только были потомки Гунновъ Аттилы, но что и княжескій ихъ домъ происходилъ отъ него по прямой линіи. Первымъ по этой росписи называется Авитохолъ, который происходилъ изъ рода Дуло и жилъ 300 лѣтъ; за нимъ слѣдуетъ Ирникъ, который жилъ 108 лѣтъ. Далѣе изъ того же рода Дуло были князья Коуртъ (Кувратъ Византійцевъ), а потомъ Есперикъ (Аспарухъ Византійцевъ), при которомъ Болгаре завоевали страну къ югу отъ Дуная. Ирника сами противники славянства Болгаръ (напримѣръ, г. Куникъ) справедливо отожествляютъ съ младшимъ сыномъ Аттилы Ирнахомъ или Ирною, о которомъ разказываетъ писатель Прискъ, посѣтившій Аттилу въ свитѣ византійскаго посольства. По его свидѣтельству, Аттила любилъ и ласкалъ Ирну предпочтительно передъ другими своими дѣтьми, потому что какіе-то предсказатели объявили, что только посредствомъ этого мальчика будетъ продолжаться его царскій родъ. Весьма любопытно, что это предсказаніе оправдалось на Болгарскихъ князьяхъ, основавшихъ новое Гуннское царство на нижнемъ Дунаѣ. Въ такомъ случаѣ загадочный Авитохолъ означенной росписи будетъ никто иной какъ самъ Аттила, которому, какъ человѣку необыкновенному, народныя преданія Болгаръ успѣли придать полумиѳическій характеръ, снабдивъ его трехсотлѣтнимъ возрастомъ.

Теперь, когда начинаешь пристально всматриваться въ сочиненную Нѣмцами туранскую теорію Гунновъ, то удивляешься даже, какъ могла эта теорія столь долгое время господствовать въ наукѣ при своихъ шаткихъ основаніяхъ.

А на чемъ она, главнымъ образомъ, была основана?

Да просто на ложномъ толкованіи нѣкоторыхъ реторичныхъ выраженій двухъ латинскихъ писателей, Амміана Марцеллина и Іорнанда, выраженій, относящихся къ наружному виду и образу жизни Гунновъ.

„Новорожденнымъ мужскаго пола Гунны дѣлаютъ желѣзомъ глубокіе нарѣзы на щекахъ, чтобъ уничтожить растительность волосъ: они старѣютъ безбородые, некрасивые, подобные евнухамъ“, говоритъ

Амміанъ.„—У нихъ плотные, крѣпкіе члены тѣла, толстая шея, широкія плечи; они похожи на двуногихъ животныхъ или на тѣ грубоизваянныя фигуры, которыя стоятъ по краямъ мостовъ“ (Lib. XXXI). Если строго разбирать эти фразы, то гдѣ же тутъ указаніе на чисто монгольскую, или тюркскую, или чудскую наружность Гунновъ? Уже Венелинъ объяснилъ, что подъ нарѣзами на щекахъ младенцевъ надобно разумѣть просто обычай брить бороду, распространенный издревле у Сарматскихъ народовъ восточной Европы. Напомнимъ бритую бороду и подстриженную кругомъ голову Русскихъ и Болгарскихъ князей. Прибавлю, что, можетъ быть, Гунны и дѣйствительно дѣлали какіе-нибудь нарѣзы на щекахъ младенцевъ, чтобъ у нихъ впослѣдствіи не росла борода, и слѣдовательно, не было бы нужды постоянно ее брить. Во всякомъ случаѣ это свидѣтельствуетъ именно о борьбѣ съ сильною растительностью бороды, а не съ ея отсутствіемъ. Еслибъ у Гунновъ плохо росла борода, какъ у Монголовъ или Чуди, то не было бы нужды бороться съ нею при помощи какихъ-то нарѣзовъ, которые, конечно, обезображивали лицо. И такъ, извѣстіе это наоборотъ свидѣтельствуетъ объ арійской, а не туранской народности Гунновъ. А что они были широкоплечи, плотнаго сложенія, съ ногами, закутанными въ бараньи или козлиныя шкуры (какъ далѣе говорится) казались Грекамъ и Римлянамъ очень неуклюжи, и живя на коняхъ, непривычные къ пѣшему хожденію, были какъ бы похожи на двуногихъ животныхъ или на грубо-изваянныя статуи — все это такія черты, которыя не могутъ служить отличительнымъ признакомъ какой-либо расы, а относятся къ извѣстной степени быта и находятся въ тѣсной связи съ тѣмъ, что̀ Амміанъ далѣе говоритъ о ихъ дикости, свирѣпости и кочевомъ или полукочевомъ состояніи. Таковое же состояніе въ одинаковой мѣрѣ было свойственно и туранскимъ и нѣкоторымъ арійскимъ народамъ древности. Наконецъ, мы не находимъ здѣсь тѣхъ именно чертъ, которыя служатъ отличительными признаками туранской расы, каковы: узкіе глаза, широкія скулы, острый подбородокъ и приплюснутый носъ. Наконецъ, мы никакъ не должны упускать изъ виду, подъ какими впечатлѣніями и при какихъ обстоятельствахъ писалъ Амміанъ свой разказъ о Гуннахъ. У него нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобъ онъ наблюдалъ ихъ лично. Будучи родомъ Грекъ, онъ писалъ свою книгу уже удалившись отъ дѣлъ, далеко отъ мѣста событій, въ Антіохіи. Книга его захватываетъ только начало гуннскаго движенія или собственно бѣгство Готовъ передъ Гуннами на южную сторону Дуная. Писалъ онъ объ этомъ движеніи,

очевидно, по слухамъ, а Гунновъ изображалъ по разказамъ ихъ враговъ, готскихъ бѣглецовъ, и притомъ, можетъ быть, не самихъ очевидцевъ и участниковъ событій. Понятно, что онъ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ для изображенія народа, который тогда началъ наводить ужасъ на міръ германскій и римскій. То, что̀ Амміанъ говоритъ собственно о бытѣ и нравахъ Гунновъ, почти то же самое онъ прилагаетъ къ Аланамъ, которые являются у него такими же конниками и кочевниками, какъ и Гунны. Да если сравнить съ ними Готовъ, то и послѣдніе въ то время, очевидно, еще не вполнѣ вышли изъ кочеваго быта, чѣмъ и объясняются ихъ передвиженія изъ Черноморскихъ степей на Балканскій полуостровъ, а оттуда въ Италію и Испанію.

Перейдемъ теперь къ извѣстію Іорнанда.

Если Амміанъ Марцеллинъ, современникъ гуннскаго движенія, изобразилъ Гунновъ не совсѣмъ точно и преувеличилъ ихъ безобразіе, то чего же можно ожидать отъ Іорнанда, писавшаго около двухъ столѣтій спустя, бывшаго (какъ полагаютъ) готскимъ епископомъ въ Италіи, весьма пристрастнаго къ Готамъ, а потому дышавшаго ненавистью къ ихъ гонителямъ, Гуннамъ? И дѣйствительно, въ своей „Исторіи Готовъ“ онъ не пожалѣлъ красокъ, такъ что входившее въ число его источниковъ Амміаново изображеніе Гунновъ представляется въ сравненіи съ симъ послѣднимъ довольно блѣдно. Вопервыхъ, Гунны у Іорнанда являются ни чѣмъ инымъ, какъ порожденіемъ изгнанныхъ Готами въ пустыню вѣдьмъ и совокупившихся съ ними злыхъ духовъ. Тамъ, въ этой пустынѣ за Меотійскимъ болотомъ, возникла „гнусная, жалкая, почти нелюдская порода (Гунновъ) съ языкомъ, едва похожимъ на человѣческій говоръ“. Однако, какъ оказывается далѣе, этотъ жалкій народъ подобно вихрю налетѣлъ изъ-за Дона на Скиѳовъ (Готовъ), и побѣдилъ ихъ, увлекая за собою Аланъ и другіе сосѣдніе народы. Но побѣжденные будто бы не столько пугались ихъ оружія, сколько не могли выносить ихъ страшнаго вида. „У нихъ лицо ужасающей черноты и похоже болѣе, если можно такъ выразиться, на безобразный кусокъ мяса съ двумя дырами вмѣсто глазъ. Самоувѣренность и мужество свѣтятся въ ихъ ужасномъ взглядѣ. Свирѣпость свою они упражняютъ надъ своими дѣтьми съ перваго же дня ихъ рожденія: младенцамъ мужскаго пола изрѣзываютъ желѣзомъ щеки, чтобы тѣ еще прежде чѣмъ научатся сосать молоко матери, уже пріучались къ перенесенію ранъ. Послѣ юности, лишенной красоты, они старѣютъ безбородые, потому что

глубокіе рубцы отъ желѣза уничтожаютъ на лицѣ корни волосъ. Они невелики ростомъ, но ловки въ движеніяхъ и проворны на конѣ, широкоплечи, вооружены лукомъ и стрѣлами, съ толстымъ затылкомъ, всегда гордо поднятымъ вверхъ. По своей свирѣпости, это звѣри въ образѣ людей" (Cap. XXIV).

Реторика этого ходульнаго описанія, проникнутая явнымъ озлобленіемъ противъ Гунновъ, столь ярко бросается въ глаза, что, право, удивляешься тому туману, въ которомъ историческая критика столь долго находилась по отношенію къ Гуннамъ. Да гдѣ же тутъ черты несомнѣнно монгольской, татарской или чудской народности? Если перевести все это на обыкновенный языкъ, окажется, что Гунны были не особенно велики ростомъ, то-есть, какъ говорится у насъ, коренасты, крѣпко сложены, широплечи, нечистоплотные (чумазые, какъ мы говоримъ), съ загорѣлою, истрескавшеюся на вѣтру кожею; имѣли съ младенчества изрѣзанныя щеки, или чтобы пріучить себя къ ранамъ, или чтобы не росла у нихъ борода [а можетъ быть, и это повторенное за Амміаномъ сбивчивое извѣстіе просто означаетъ, что они скоблили бороду и щеки такъ неискусно, что оставались всегда рубцы]. Лица у нихъ были вообще кругловатыя, а глаза небольшіе (сравнительно съ южными европейскими народами), но взоръ острый, смѣлый, выраженіе мужественное. Повторяю, никакого намека нѣтъ на выдавшіяся скулы и широко разставленные, узкіе, косые глаза. Я нахожу даже въ этихъ чертахъ замѣчательное сходство съ нашимъ собственнымъ великорусскимъ типомъ, съ обиліемъ у насъ такъ-называемыхъ мордовскихъ физіономій. И очень возможно, что, подобно нашему, въ гуннскомъ типѣ отразилась нѣкоторая, еще доисторическая подмѣсь туранскихъ элементовъ, что̀ не мѣшало Гуннамъ, какъ не мѣшаетъ и намъ, быть чистыми Славянами по языку и характеру. По моему мнѣнію, наглядное изображеніе этого гуннскаго типа можно видѣть на фрескахъ въ одной керченской катакомбѣ, которыя относятся ко времени между началомъ II и концомъ IV вѣка по Р. Х. (см. объясненія г. Стасова въ Отчетѣ Императорской Археологической коммисіи за 1872 г., С.-Пб. 1875). Тамъ изображены какіе-то степные наѣздники именно съ круглымъ или овальнымъ лицомъ и безбородые, которыхъ физіономія ясно отличается отъ южно-европейскихъ народовъ и въ то же время не походитъ ни на Монголовъ, ни на Угровъ.

Что касается до свирѣпости, воинственности, кочевой жизни и привычки къ верховой ѣздѣ, то повторяю, въ наше время просто

наивно было бы по такимъ чертамъ опредѣлять народность, а не извѣстную низшую степень культуры, которую проходили народы самаго разнообразнаго происхожденія. Финноманы и монголоманы почему-то, напримѣръ, вообразили себѣ, что предпріимчивость, свирѣпость и воинственность должны служить относительною чертою Чуди и Монголовъ. А между тѣмъ тотъ же Іорнандъ, передавая разные ужасы о Гуннахъ, называетъ Финновъ „смирнѣйшимъ" народомъ (Finni mitissimi. Cap. III). Монголо-Татары только временами выходили изъ своего апатичнаго состоянія и никогда не превосходили Арійцевъ своею энергіей и воинственностію. Если свирѣпость и страсть къ разрушенію суть признакъ Чудскихъ и Монгольскихъ народовъ, то къ нимъ надобно отнести и Вандаловъ. Впрочемъ, и сами финноманы отрицаютъ воинственность Славянъ только тогда, когда это не подходитъ, напримѣръ, къ ихъ теоріи о Гуннахъ и Болгарахъ. А когда говорятъ вообще о Славянахъ, то говорятъ о нихъ нѣсколько иначе. Напримѣръ, г. Макушевъ писалъ, что „иностранцы удивлялись храбрости и ловкости Славянъ", чему приводитъ доказательства („Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ". С.-Пб. 1861, стр. 132 и 152). По свидѣтельству Прокопія, они „не отличались бѣлизною лица; всегда покрыты были грязью и всякою нечистотою" (ibid., 151). Слѣдовательно, видимъ черты почти тожественныя съ Гуннами. Да Прокопій тутъ же говоритъ, что Анты и Славяне „при своемъ простосердечіи имѣютъ гуннскіе нравы". А если онъ или Іорнандъ Гунновъ и Болгаръ еще не называютъ прямо Славянами, то я уже нѣсколько разъ указывалъ, что названіе это въ тѣ времена еще не было распространено на всѣ славянскіе народы, и что подъ Славянами тогда разумѣлись преимущественно западно-балканскіе или западно-дунайскіе Славяне, а не восточные. На такомъ основаніи и Готовъ пришлось бы не считать Германскимъ племенемъ; напримѣръ, Іорнандъ прямо отличаетъ ихъ отъ Германцевъ (cujus consilio Gothi Germanorum terras, quas nunc Franci obtinent, depopulati sunt. Cap. XI). Простосердечіе Славянъ, о которомъ говоритъ Прокопій,—тоже не противорѣчитъ родству съ ними Гунновъ. „Добродушные и человѣколюбивые дома, Славяне отличались на войнѣ хищностью и свирѣпостью" — говоритъ г. Макушевъ, и подтверждаетъ это длиннымъ рядомъ краснорѣчивыхъ фактовъ изъ разныхъ источниковъ (стр. 156).

Поборники туранской теоріи, какъ мы видѣли,—придумали еще какую-то сильную монархическую власть какъ доказательство неславянства. Но вотъ что̀ говоритъ Амміанъ о Гуннахъ: „Царская власть

имъ неизвѣстна; они шумно слѣдуютъ за вождемъ, который ихъ ведетъ въ битву". Но, очевидно, у нихъ были княжескіе роды; изъ среды послѣднихъ возвысился надъ другими родъ, къ которому принадлежалъ Аттила. Онъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ исторіи, направивъ силы своего племени на борьбу съ другими народами и на завоеванія, успѣлъ было объединить Гунновъ и основать обширную монархію. А вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, возросла и его личная власть. Распалась потомъ его монархія, племена гуннскія опять раздробились, и княжеская власть опять упала. Извѣстные Болгарскіе князья снова успѣли соединить нѣкоторыя племена, завоевать цѣлую большую римскую провинцію, и власть ихъ снова усилилась. Все это черты общечеловѣческія. Къ тому же власть Болгарскихъ царей не была сильнѣе княжеской власти у Русскихъ и другихъ Славянъ; она также была ограничена вліятельнымъ боярскимъ сословіемъ.

Іорнандъ, писавшій спустя около ста лѣтъ по смерти Аттилы, берется описывать его наружность, основываясь неизвѣстно на какихъ источникахъ: „Малый ростъ, широкая грудь, большая голова, маленькіе глаза, рѣдкая борода, волосы съ просѣдью, курносый, смуглый—онъ являлъ черты своего племени" (Cap. XXXV). Но едва ли это описаніе не есть плодъ воображенія, тенденціозно настроеннаго. Іорнандъ полагалъ, что ненавистный Аттила, конечно, совмѣщалъ въ себѣ всѣ непривлекательныя стороны гуннской наружности, и сообразно съ тѣмъ его описалъ, придавъ ему рѣдкую бороду (хотя выше у него Гунны до старости безбородые), да еще „гордую осанку и пытливые взоры". И при всей тенденціозности или предвзятости описанія мы не видимъ тутъ никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ туранской расы. Наконецъ всѣ фразы Амміана и Іорнанда о безобразіи Гунновъ теряютъ свой острый характеръ, если сличить ихъ съ извѣстіями Византійца Приска. Сей послѣдній лично посѣтилъ столицу Гунновъ и видѣлъ самого Аттилу, слѣдовательно, могъ бы въ точности описать ихъ безобразіе. Однако, онъ совсѣмъ не говоритъ о наружности Гунновъ вообще и Аттилы въ особенности, чего никакъ бы не случилось, еслибъ эта наружность его поразила, то-есть, еслибъ она была такъ безобразна и такъ отлична отъ европейской, какъ это можно заключать изъ словъ Амміана и Іорнанда, одного—писавшаго о Гуннахъ по слухамъ, другаго—очень враждебно къ нимъ настроеннаго.

Если мы обратимся къ Приску, весьма обстоятельно и подробно описавшему свое путешествіе и пребываніе у Аттилы, и разберемъ

всѣ его показанія о Гуннахъ, то увидимъ, что этотъ важнѣйшій, добросовѣстный и вполнѣ достовѣрный о нихъ источникъ ни одною чертою, ни одною фразою не подкрѣпляетъ теорію о мнимой урало-алтайской народности Гунновъ. Его не поражаетъ ни ихъ якобы безобразная наружность, ни ихъ будто бы нечеловѣческая дикость и свирѣпость. Аттилу онъ изображаетъ замѣчательнымъ человѣкомъ; наружности его не описываетъ, а говоритъ только о его умѣренности въ одеждѣ, пищѣ и питьѣ, о его серьезности, горделивой осанкѣ и пытливомъ взорѣ. (Послѣднія качества, очевидно, Іорнандъ почерпнулъ изъ Приска). Далѣе, эти лодки-однодеревки на Дунаѣ столь обычны восточнымъ Славянамъ; эти деревянные, украшенные узорчатою рѣзьбой и стоящіе посреди дворовъ, окруженныхъ заборомъ, терема Аттилы, его женъ и приближенныхъ совсѣмъ не похожи на войлочныя юрты монголо-татарскихъ хановъ. Эти дѣвушки, привѣтствующія родными пѣснями царя при его возвращеніи въ столицу; жена любимца, поднесшая ему при этомъ серебряное блюдо съ кушаньемъ и чашу съ виномъ (обычай хлѣба-соли); пиръ въ его дворцѣ, сопровождаемый также заздравною чашею съ виномъ (здравицей), пѣвцами его военныхъ подвиговъ (баянами), шутомъ и скоморохомъ, остриженныя въ кружокъ головы и разныя другія подробности скорѣе говорятъ намъ о народности вообще арійской и преимущественно славянской. Далѣе, нельзя не обратить здѣсь вниманіе на договоры между гуннскими вождями и византійскимъ дворомъ; однимъ изъ главныхъ договорныхъ пунктовъ было обезпеченіе за Гуннами свободнаго торга съ Византійцами, чего обыкновенно мы не встрѣчаемъ въ отношеніяхъ къ нимъ урало-алтайскихъ народовъ. Завоеватели изъ этихъ народовъ, если и требовали какихъ торговыхъ льготъ, то не для своего собственно племени, а для покоренныхъ ими иныхъ племенъ. Сравните съ описаніемъ Приска описанныя Менандромъ византійскія посольства Земарха и Валентина, отправленныхъ въ слѣдующемъ VI вѣкѣ къ дѣйствительнымъ Татарамъ, именно въ Турецкую орду къ Дизавулу и сыну его Турксанту. Гдѣ же эти шаманы, подвергавшіе иноземцевъ очистительнымъ обрядамъ, хожденію вокругъ священнаго пламени и разныя другія подробности, непохожія на гуннскіе обычаи? Любопытно при этомъ извѣстіе, что Турксантъ принесъ въ жертву своему покойному отцу четырехъ плѣнныхъ Гунновъ. Ясно, что послѣднихъ Турки не считали своими соплеменниками. Нигдѣ Гунны не являются такими огнепоклонниками. Сами Визан-

тійцы того времени очень хорошо различаютъ Гунновъ и Турокъ, то-есть, Татаръ, и нигдѣ ихъ не смѣшиваютъ.

Но что̀ особенно для насъ важно въ разказѣ Приска, такъ это нѣкоторыя извѣстія о языкѣ Гунновъ. „Скиѳы, будучи сборомъ разныхъ народовъ, сверхъ собственнаго своего языка варварскаго, охотно употребляютъ языкъ Унновъ или Готовъ или же Авзоніевъ въ сношеніяхъ съ Римлянами". (По переводу Дестуниса въ Уч. Зап. Ак. Наукъ, кн. VII, 52). Здѣсь производятъ нѣкоторую сбивчивость и затрудняютъ комментаторовъ (см. того же Дестуниса въ прим. 69) „Скиѳы, употребляющіе свой языкъ и въ то же время бывшіе сборищемъ разныхъ народовъ". Выраженіе дѣйствительно неточное, но понятное для того, кто приметъ во вниманіе обстоятельства. Дѣло идетъ частію о Дакіи, а главнымъ образомъ о Панноніи и лежавшемъ въ послѣдней стольномъ городѣ Аттилы. Прискъ въ теченіе своего разказа словомъ „Скиѳы" безразлично обозначаетъ и туземныхъ жителей Панноніи, и Гунновъ-завоевателей. Вмѣсто слова „гуннскій языкъ", „гуннскій законъ" онъ нерѣдко говоритъ „скиѳскій языкъ", „скиѳскій законъ". Въ туземномъ населеніи едва ли не главный элементъ составляли Славяне, а затѣмъ Готы, также подвластные Аттилѣ. Особенно въ его столицѣ было много представителей разныхъ покоренныхъ народовъ. Были въ Дако-Панноніи и остатки Даковъ (предки Румыновъ или Валаховъ). Какъ бывшая римская провинція, Паннонія успѣла уже подвергнуться нѣкоторой романизаціи (а Дакія еще болѣе); слѣдовательно, между жителями ея можно было встрѣтить многихъ говорящихъ по латыни (языкъ „Авзоніевъ"). Стало быть, въ тѣсномъ смыслѣ, Скиѳы означаютъ здѣсь Славянъ, принадлежавшихъ — положимъ — къ племенамъ Чехо-Моравовъ, или Словаковъ, или Сербовъ и Хорватовъ, то-есть, вообще западно-славянской группы (западной отъ Карпатъ). Кромѣ своего собственнаго языка, всѣ они легко понимали языкъ соплеменныхъ имъ Гунновъ, то-есть, Славянъ восточной вѣтви; многіе изъ нихъ по сосѣдству и частому обращенію съ Готами, особенно въ общемъ воинскомъ лагерѣ Аттилы или въ его столицѣ, понимали языкъ готскій, и наконецъ, подъ вліяніемъ мѣстной романизаціи были и такіе, которые понимали языкъ латинскій. Такъ я объясняю себѣ это мѣсто Приска. Пусть попытаются другіе объяснить его болѣе удовлетворительнымъ образомъ. Въ другомъ мѣстѣ Прискъ сообщаетъ объ одномъ шутѣ, что тотъ во время пира у Аттилы насмѣшилъ всѣхъ своими словами, въ которыхъ перепутывалъ языкъ латинскій съ готскимъ и унскимъ.

Ясно, что подъ унскимъ тутъ никакого другаго языка, кромѣ славянскаго, нельзя подразумѣвать. Наконецъ, Прискъ приводитъ такія слова, которыя прямо указываютъ на Славянъ. А именно: медосъ, то-есть, медъ, который туземцы употребляли вмѣсто вина, и камосъ, питье варваровъ (Гунновъ), добываемое изъ ячменя. Сіе послѣднее есть, конечно, неточно переданное слово квасъ, а никакъ не кумысъ, который приготовляется изъ кобыльяго молока, а не изъ ячменя. Вообще во всѣхъ извѣстіяхъ о Гуннахъ нѣтъ и помину объ этомъ любимомъ татарскомъ напиткѣ. Наконецъ, Іорнандъ, описывая погребальное пиршество въ честь Аттилы (славянскую тризну), замѣчаетъ, что на языкѣ Гунновъ оно называлось страва (Cap. XLIII) —слово, какъ извѣстно, вполнѣ славянское. Слѣдовательно, никакого ни прямаго, ни косвеннаго указанія на языкъ татарскій или чудскій у Гунновъ мы не находимъ.

Если обратимся къ личнымъ именамъ—этому обычному предмету злоупотребленія норманистовъ и татаро-финнистовъ, — то и здѣсь не найдемъ никакого серьезнаго подтвержденія для урало-алтайской теоріи. Возьмемъ гуннскія имена IV и V вѣковъ.

Валаміръ (или Велеміръ), Мундюхъ, Допатъ, Харатонъ, Руа, Оиварсій, Блѣдъ, Денгизихъ, Еллахъ, Ирна, Атакамъ, Мама, Верихъ, Едеконъ, Исла, Онѣгизій (Нѣгошъ), Скота, Эскама, Крека, Васихъ, Курсихъ. Что̀ же особенно урало-алтайскаго въ этихъ именахъ? Если филологія пока не умѣетъ раскрыть ихъ арійское значеніе, то еще менѣе она можетъ доказать ихъ татарское или чудское происхожденіе. Не забудемъ, что имена эти дошли до насъ въ латинской и греческой передачѣ; слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ мы не можемъ возстановить ихъ точное произношеніе. Если мы тутъ не встрѣчаемъ пока Святополковъ и Святославовъ, то не встрѣчаемъ ихъ въ тѣ времена также у Антовъ и Склавиновъ или Славянъ Подунайскихъ и Иллирскихъ. Самъ Іорнандъ свидѣтельствуетъ о томъ, что многія личныя имена заимствовали „Сарматы (Славяне) у Германцевъ, Готы у Гунновъ". Весьма сомнительно, чтобы Нѣмцы стали носить татарскія или чудскія имена и прозвища. Мы не разъ замѣчали, что чѣмъ далѣе въ древность, тѣмъ болѣе общаго должно встрѣчаться въ именахъ нѣмецкихъ и славянскихъ, по ихъ арійскому родству и тѣсному исконному сосѣдству. Въ приведенныхъ сейчасъ словахъ Іорнанда опять встрѣчаемъ Сарматъ (подъ которыми несомнѣнно разумѣются западные Славяне) какъ бы отдѣльнымъ народомъ отъ Гунновъ, а Германцевъ (то-есть, западныхъ Нѣмцевъ) отъ

Готовъ, что̀ не мѣшаетъ быть Готамъ Нѣмцами, а Гуннамъ Славянами; только тѣ и другіе составляли восточныя вѣтви своего племени.

Что касается до имени главнаго гуннскаго героя—Аттилы, то опять-таки совершенно произвольно приписали ему татарское происхожденіе. Поводомъ къ такому толкованію послужило названіе рѣки Волги Татарами Эдиль. Но отсюда нисколько не слѣдуетъ, чтобъ это названіе сочинили сами Татары, а не взяли его готовымъ у прежнихъ обитателей Поволжья. Арабскіе писатели IX и X вѣковъ называютъ Волгу Итиль. Но такое же названіе встрѣчаемъ уже у византійскихъ писателей съ VI вѣка (у Менандра Attila, у Θеофана Atalis, у Константина Багрянороднаго Atel). Константинъ въ разказѣ объ Уграхъ и Печенѣгахъ называетъ еще часть южной Россіи Ателькузу и объясняетъ, что это названіе произошло отъ рѣкъ Этель и Узу, (De adm. imp., c. 40). Ателькузу, по видимому, называется у него край, лежавшій не на восточной сторонѣ Дона, а на западной, и въ такомъ случаѣ подъ Этель или Атель тутъ можно разумѣть Днѣпръ. Впрочемъ это еще вопросъ; могла и тутъ подразумѣваться Волга. Аналогію съ этимъ названіемъ составляетъ другое названіе Волги—Ра, употребляемое Мордвою доселѣ. Но та же Ра встрѣчается еще у Птоломея и Амміана Марцеллина. А если сблизимъ ее съ греческою формою того же имени—Араксъ, иранскаго Арасъ, то убѣдимся, что это слово не мордовскаго происхожденія, а получено Мордвой отъ древнихъ обитателей арійскаго семейства. Точно то же можно сказать и о названіи Волги словомъ Атель или Аттила, и тѣмъ болѣе, что никто не объяснилъ его татарскую или чудскую этимологію [1]). Затѣмъ, согласно съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ Іорнанда, мы дѣйствительно находимъ у Готовъ имена похожія на Атиллу съ легкими измѣненіями или дополненіями, каковые Аталь, Татила, Атаульфъ. Какой корень этого имени, одинаковъ онъ или нѣтъ съ словомъ атя, то-есть, батя или тятя, разсуждать о томъ не берусь, и вообще не считаю филологію на столько зрѣлою, чтобъ она могла давать точныя, несомнѣнно научныя объясненія личныхъ именъ, въ особенности изъ эпохи Великаго переселенія народовъ. Если то же имя можно встрѣтить позднѣе въ исторіи Мадьяръ, то извѣстно, что они заимствовали многія

---

[1]) Осетины и теперь еще Волгу называютъ *Идиль*. А извѣстно, что Осетины суть потомки древнихъ Аланъ и принадлежатъ къ Арійской семьѣ.

имена у Славянъ и Нѣмцевъ и не только заимствовали имена, но и омадьярили многіе знатные славянскіе роды. Слѣдовательно, такая ссылка лишена всякаго значенія, какъ не имѣетъ никакого серьезнаго историческаго значенія и претензія мадьярскихъ историковъ, начиная съ анонимнаго нотарія короля Белы, производить свой народъ прямо отъ Гунновъ Аттилы.

Поборники туранофильской теоріи, какъ извѣстно, связали какъ-то Гунновъ съ монгольскимъ народомъ Хіонгну китайскихъ лѣтописей, и заставили ихъ переселиться изъ Средней Азіи въ Европу во второй половинѣ IV вѣка по Р. Х. И все это вопреки положительнымъ свидѣтельствамъ источниковъ. У Птоломея, писавшаго во II в. по Р. Х., Гунны помѣщены въ восточной Европѣ сосѣдями Роксоланъ. Амміанъ Марцеллинъ говоритъ, что о нихъ уже упоминали старые писатели. А Моисей Хоренскій, армянскій писатель V вѣка, сообщаетъ о нападеніи Болгаръ со стороны Кавказа на Арменію, случившемся во II вѣкѣ до Р. Х. Наконецъ, Амміанъ, Прискъ, Прокопій, Іорнандъ прямо помѣщаютъ ихъ древнія жилища за Танаисомъ и Меотійскимъ озеромъ, то-есть, въ области Кубани и нижней Волги.

Если мы пойдемъ далѣе въ болѣе поздніе вѣка, то увидимъ, что Гунны въ источникахъ ясно отождествляются съ Славянами, напримѣръ, у Беды Достопочтеннаго, въ византійской пасхальной хроникѣ, у Кедрина, въ нѣмецкихъ эпическихъ сказаніяхъ и проч. Но я пока ограничиваюсь разсмотрѣніемъ старѣйшихъ и важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Гунновъ, каковы Амміанъ Марцеллинъ, Прискъ, Іорнандъ и Прокопій. (О послѣднемъ много говорится въ моемъ прежнемъ изслѣдованіи о Болгарахъ, куда и отсылаю любознательнаго читателя). Повторяю, что къ Гуннамъ и ихъ славянству я пришелъ слѣдующимъ путемъ: Занятія начальною русскою исторіей натолкнули меня на Болгарское племя. Пересмотрѣвъ вопросъ о его народности, я убѣдился, что нѣтъ ровно никакихъ научныхъ основаній считать эту народность неславянскою. Но оказывается, что при семъ пересмотрѣ я неправильно старался выдѣлить Болгаръ изъ группы Гуннскихъ народовъ (такъ какъ ихъ неславянство выводили собственно изъ представленія о Гуннахъ, какъ о народѣ Туранскомъ). Убѣдившись потомъ въ тожествѣ Болгаръ съ Гуннами, я естественно пришелъ къ необходимости пересмотрѣть вопросъ о народности Гунновъ, то-есть, пересмотрѣть тѣ основанія, на которыхъ они были отнесены къ какому-то (въ сущности неизвѣстному и доселѣ никѣмъ

неопредѣленному) Урало-Алтайскому племени. И на чемъ же, какъ оказалось, было основано такое мнѣніе? Да на такихъ шаткихъ аргументахъ, какъ реторическія фразы Амміана и Іорнанда о некрасивой наружности Гунновъ, ихъ воинственности, свирѣпости, кочевомъ или полукочевомъ состояніи и т. п. Каррикатуру приняли въ буквальномъ смыслѣ и выдали за точный портретъ. Вотъ какъ невысоко еще стояла историческая критика во времена Нибура и Шафарика!

По поводу таковыхъ аргументовъ, приведу примѣръ тѣхъ противорѣчій, въ которыя нерѣдко попадаютъ поборники норманизма и туранства по отношенію къ Славянамъ. Г. Куникъ въ доказательство, что языческая Русь, нападавшая на Византію, не могла быть славянскою, приводитъ ея жестокости тамъ совершенныя: язычники сожгли церкви въ окрестностяхъ Константинополя и умертвили множество людей. По его мнѣнію, это должны быть Норманны, которые „какъ разъ въ то время въ западной Европѣ опустошали церкви и монастыри и весьма часто съ особенною яростью убивали въ самыхъ церквахъ епископовъ и монаховъ“ („Извѣстія Аль Бекри о Руси и Славянахъ“, стр. 175). Но вотъ что̀ говоритъ г. Макушевъ о Славянахъ: „Особенно много разказываетъ о хищности и свирѣпости Славянъ Гельмольдъ“. „Въ войнѣ заграничной (слова Гельмольда о Полякахъ и Чехахъ) они храбры при нападеніи, но весьма жестоки въ грабежѣ и убійствахъ: они не щадятъ ни монастырей, ни церквей, ни кладбищъ“ („Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ“, 158).

А по поводу якобы безобразной наружности Гунновъ вспоминаются читанныя мною когда-то мемуары маркграфини Байретской, сестры Фридриха Великаго. Она имѣла случай видѣть русское войско, посланное императрицею Елизаветою на помощь Маріи-Терезіи въ концѣ войны за Австрійское наслѣдство, и передаетъ свое впечатлѣніе. Не имѣя подъ рукой книги, не могу передать точныхъ ея словъ, но помню, что Русскіе показались ей малорослыми, чумазыми и вообще очень непривлекательной наружности,—такъ что, еще немного, и ея Русскіе вышли бы тѣ же Гунны Амміана и Іорнанда. А между тѣмъ коренной Русскій народъ едва ли можетъ быть поставленъ ниже Нѣмцевъ по красотѣ своей расы. Но мы должны, вопервыхъ, имѣть въ виду явное нерасположеніе маркграфини къ Русскимъ, а вовторыхъ возможно, что наши солдаты явились туда дурно одѣтые, плохо накормленные, неумытые и мало выправленные; притомъ и послано то было неотборное войско. Въ высшей степени было опрометчиво

дѣлать научные выводы о принадлежности къ тому или другому племени на основаніи такихъ каррикатурныхъ, неточныхъ, пристрастныхъ и весьма условныхъ отзывовъ о наружности Гунновъ, каковы отзывы Амміана и въ особенности Іорнанда. Подобные вопросы рѣшаются не тою или другою фразой источниковъ, а совокупностью всѣхъ несомнѣнно историческихъ фактовъ.

Чѣмъ болѣе всматриваемся мы въ вопросъ о Гуннахъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ чрезвычайной важности его правильнаго рѣшенія для исторіи Славянъ, а слѣдовательно, и въ непростительномъ равнодушіи къ нему со стороны ученыхъ славистовъ. Только съ разрѣшеніемъ этого вопроса открывается возможность поставить на твердую почву исторію Славянства въ первую половину среднихъ вѣковъ. Тогда объяснятся и непонятное до сихъ поръ появленіе цѣлаго ряда славянскихъ государствъ въ IX и X вѣкахъ, и картина всего этого славянскаго міра, какъ бы внезапно выросшаго изъ земли на огромномъ пространствѣ отъ береговъ Адріатики до Балтійскаго моря и Волги. Тогда прольется свѣтъ и на многіе частные вопросы изъ славянской исторіи, между прочимъ на вопросъ о началѣ и распространеніи церковно-славянской или болгарской письменности. Широкое распространеніе этой письменности между славянскими народами сдѣлается намъ понятнымъ, когда узнаемъ, что Гунны-Болгары были многочисленнымъ и нѣкоторое время господствующимъ славянскимъ племенемъ. Если обратимъ вниманіе на то, что въ IX вѣкѣ часть Паннонія была занята еще Гуннами-Болгарами (см. у Ѳеофана сказаніе о разселеніи сыновей Куврата), то можетъ быть, уяснится, почему Кириллъ и Меѳодій явились въ Паннонскую Моравію съ болгаркимъ переводомъ Св. Писанія, почему наилучшій пріемъ Меѳодій нашелъ у князя Платенскаго Коцела (то-есть, въ собственной Панноніи), и почему его паннонскіе ученики потомъ перешли именно въ Болгарію. Конечно, поборники нѣмецкихъ домысловъ о туранствѣ Болгаръ и Гунновъ еще долго и усердно будутъ производить давленіе на славянскихъ ученыхъ по этимъ вопросамъ; но тѣмъ сильнѣе и доказательнѣе пробьется наружу и возобладаетъ въ наукѣ историческая правда. Для меня понятна неохота Нѣмцевъ примириться съ тою мыслью, что началомъ такъ-называемаго Великаго переселенія народовъ послужило столкновеніе Болгарскихъ и Русскихъ Славянъ съ нѣмецкими Готами и изгнаніе послѣднихъ изъ восточной Европы. Но было бы желательно видѣть болѣе научной самостоятельности въ данномъ случаѣ со стороны нашихъ славистовъ. Въ особенности непріятно встрѣ-

чать такихъ противниковъ, которые, какъ, напримѣръ, въ данномъ случаѣ, не только никогда не занимаясь спеціально подобнымъ научнымъ вопросомъ, но и не думая о немъ серьезно, спѣшатъ выступить съ своими возраженіями, основанными на предвзятыхъ толкованіяхъ съ чужаго голоса.

Я не отказываюсь при случаѣ воротиться къ вопросу о народности Гунновъ и войдти въ нѣкоторыя о немъ подробности. Но вообще считаю, что продолжительный здѣсь пересмотръ этого вопроса дополнилъ и почти закончилъ рядъ моихъ изысканій о началѣ Руси и народахъ, вошедшихъ въ ея составъ.

Д. Иловайскій.